

НАРЦИСС И ЕГО ОТРАЖЕНИЯ

А.КРАВЧЕНКО*

“...Родители Нарцисса спросили прорицателя Тиресия о будущем ребенка и получили ответ, что Нарцисс проживет до старости, если никогда не увидит своего лица. Нарцисс вырос юношей необычайной красоты, и его любви добивались многие женщины, но он был безразличен ко всем. Когда в него влюбилась нимфа Эхо, Нарцисс отверг ее страсть. От горя Эхо высохла так, что от нее остался лишь голос. Отвергнутые Нарциссом женщины потребовали наказать его. Богиня правосудия Немезида вняла их мольбам. Возвращаясь с охоты, Нарцисс заглянул в незамутненный источник и, увидев в воде свое отражение, влюбился в него. Он не мог оторваться от лицезрения самого себя и умер от любви к себе”**.

Наша попытка представить феномен нарциссизма может выглядеть до некоторой степени авантюрной, если принять во внимание, что история психоанализа в России обрывается более 60 лет назад (Эткинд, 1994) и, лишенная корней, вновь всплывает в 80-е годы отдельными островками, не отражающими общей картины развивающегося все это время учения. Было

---

* *Кравченко Анна Световна – аспирантка факультета психологии МГУ, в 1996-1997гг. стажировалась в Парижском университете Рене Декарта. В рамках этой программы работала в службе детской неврологической реабилитации больницы Кремлен-Бисетр, где, наряду с психодиагностической практикой, получила первый опыт психотерапевтической работы с детьми.*

** *Мифы народов мира, 1994, т.2, с.201.*

бы наивно претендовать на исчерпывающее описание данного феномена, так как, будучи одним из наиболее спорных в психоанализе, понятие “нарциссизм” обросло множеством различных смыслов и используется в далеких друг от друга контекстах. Метафора погруженного в самосозерцание Нарцисса оказалась настолько удачной, что вышла за пределы породившего ее психоанализа.

Пожалуй, весьма условно можно выделить две линии размышлений о нарциссизме, обозначенные в названии монографии Андре Грина “*Нарциссизм жизни, нарциссизм смерти*” (Green, 1983). В настоящее время все большее распространение получает тенденция различать патологическую и нормальную формы нарциссизма (Widlocher, 1978; Кернберг, 2000). Исследования “нарциссизма смерти” как раз и посвящены негативному аспекту рассматриваемого феномена, выступающему в различных психических расстройствах. Среди наиболее изученных его проявлений можно назвать уход от внешнего мира, отсутствие желаний (Green, 1983), деструктивные и самодеструктивные тенденции (Зайдлер, 1997; Кернберг, 2000).

Мы же обращаемся к другой линии размышлений – “нарциссизм жизни”, – которая связана с изучением роли нарциссизма в обретении личностью психического равновесия. Но прежде чем подойти к интересующей нас проблеме, необходимо дать краткое определение основных понятий и описать этапы в истории развития концепции нарциссизма.

Нарциссизм в работах Фрейда

Нельзя сказать, что З.Фрейд был первым, кто заговорил о нарциссизме. Сам Фрейд ссылается на Наке (*Nacke*), воспользовавшегося в 1899 году термином “нарциссизм”, чтобы обозначить им психическое заболевание, при котором человек относится к своему телу как к объекту влечений. Девять лет спустя Саджер (*Sadger*) в докладе, представленном на “Минутах” Венского Психоаналитического Общества, применяет этот термин, описывая некоторые черты в поведении гомосексуалистов. Доклад был высоко оценен Фрейдом (по Grunberger, 1993). Следы размышлений Фрейда о нарциссизме можно найти уже в работах 1910-1913гг. – в “Трех очерках по теории сексуальности” и “Леонардо да Винчи”, где нарциссизм трактуется как перверзия, а также в опубликованной чуть позже “Тотем и табу” (1913), где сопоставляются нарциссические фантазии и “всемогущество мысли”, свойственное примитивным народам на стадии анимизма.

Свои размышления о нарциссизме Фрейд развил в фундаментальном труде 1914 года “*Zur Einführung des Narzißnuis*”* (“К представлению нарциссизма”), который сам он расценивал как “сложное разрешение от

* Русский перевод: Фрейд З. “О нарцисзме”, 1924.

бремени со всеми вытекающими искажениями” (цит. по: {*Guillem & a.*, 1991}). В этой работе Фрейд определяет нарциссизм как “либидинозное дополнение к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом можно предположить у каждого живого существа” (Фрейд, 1924, с.117). В пользу данного предположения Фрейд приводит соображения биологического порядка: “Индивид действительно ведет двойное существование – как самоцель и как звено в цепи, которой он служит против или, во всяком случае, помимо собственной воли” (там же, с.122). Как самоцель – человек единственный и уникальный, что противоречит его назначению “звена в цепи”, то есть “одного из” – передатчика наследственной информации.

Первое десятилетие минувшего века отмечено для Фрейда дискуссиями и драматическими разрывами с наиболее близкими учениками – А.Адлером (1911) и К.Г.Юнгом (1913). Работа 1914 года написана во многом под влиянием споров с Юнгом, основной точкой расхождения в которых была тема психозов. Юнг занимается *dementia praecox* и все настойчивее подвергает сомнению основной постулат психоанализа – определяющую роль сексуальности, особенно в психозах. Фрейд, видимо, отдает себе отчет в недостаточности объяснения психоза конфликтом влечений Я и влечений сексуальных (то есть на основе объяснительной модели невроза). Поэтому понятие нарциссизм (“обращение либидо на собственное Я”) кажется ему многообещающим в размышлениях о различиях между неврозом и психозом.

Внимательное наблюдение парафрени позволило Фрейду выделить две основные черты этого заболевания – бред величия и отсутствие интереса к окружающему миру. У таких больных существует убеждение, что они являются центром вселенной, и объекты реального мира не представляют для них никакого интереса. По мнению Фрейда, при психозах “либидо, оторвавшись от внешнего мира, обращается на Я, и таким образом создается состояние, которое мы можем назвать нарцизмом” (Фрейд, 1924, с.119)**.

Далее Фрейд предполагает, что нарциссизм не является чем-то новым, а представляет собой воспроизведение уже существовавшего ранее состояния. Пересматривая и дополняя историю развития либидо, Фрейд постулирует наличие соответствующей стадии в индивидуальном развитии, когда либидо направлено на самого субъекта, и относит эту стадию к младенческому возрасту. Младенческий “первичный нарциссизм” характеризуется иллюзией самодостаточности и всемогущества. Прообразом этого состояния служит период внутриутробного развития, когда все нужды ребенка удовлетворяются

** Нарушение нормального отношения к реальности можно наблюдать и при неврозах, но либидозное отношение к объектам внешнего мира не утрачивается, а сохраняется в фантазии.

мгновенно и автоматически. Можно даже сказать, что ребенок в этот период не испытывает нужды. В первое время после рождения подобное состояние поддерживается окружающими людьми, обеспечивающими нужды младенца, сохраняя его иллюзию самодостаточности. Нарциссизм младенца подкрепляется также нарциссическими мечтами родителей, от которых сами они давно отказались: ребенок должен “стать вместо отца великим человеком, героем, получить в мужья принца для позднего вознаграждения матери” (Фрейд, 1924, с.134). “His Majesty the Baby” (Его Величество Младенец) наделяется всеми мыслимыми и немыслимыми совершенствами, с его дороги устраняются все препятствия: “Ребенка не должна касаться ни болезнь, ни смерть, ни отказ от наслаждений, ни ограничение собственной воли; законы природы и общества теряют над ним силу, он действительно должен стать центром и ядром мироздания... Самый уязвимый пункт нарциссической системы [родителей], столь беспощадно избличаемое реальностью бессмертие Я, приобрело в лице ребенка новую почву и уверенность” (там же).

Однако, как бы ни были заботливы родители, нарциссические иллюзии самодостаточности рано или поздно неизбежно разрушаются столкновением с реальностью (нарциссическая травма^{*}). Постепенное увеличение возможностей и, соответственно, увеличение экспериментирования с объектами, особенно неудачи ребенка, приводят к тому, что он постепенно начинает различать предметы и затем выделять себя из окружающего мира. Чтобы восстановить теряемое нарциссическое равновесие, младенец прибегает к различным зарождающимся в это время реакциям защиты. С одной стороны, он старается вытеснить неприятные переживания, с другой, пробует восстановить теряемое всемогущество, наделяя им родителей, от которых полностью зависит, и которые предъявляют к нему все больше требований. Идентифицируясь с родителями и интериоризируя их требования (создавая Идеал-Я), ребенок в какой-то степени реставрирует свой собственный нарциссизм. Позже он осуществит нарциссическую проекцию на идеальный родительский образ.

Нормальное психическое развитие подразумевает, что либидо переключается со своего первого объекта – Я (первичный нарциссизм) на объекты внешнего мира. Но известная доля нарциссизма продолжает сосуществовать с более поздними структурами, являясь необходимой для психического здоровья личности. Временный уход от внешнего мира и возвращение либидо Я сопровождают регрессивные состояния: сон, органические заболевания, психоз. “У спящего восстановилось первобытное состояние распределения либидо, полный нарциссизм, при котором либидо и интерес Я живут еще вместе и нераздельно в

^{*} Термин “нарциссическая травма” относится не только к периоду младенчества и младшего детства. Он подразумевает любое событие, которое приводит к ограничению нарциссизма.

самоудовлетворяющемся я” (Фрейд, 1991, с.266). А также, читаем мы в другом месте, – “кажется вполне понятным, что человек, мучимый органической болью и неприятными ощущениями, теряет интерес к объектам, поскольку они не относятся к его страданиям. Более точное наблюдение показывает, что у него пропадает также и либидинозный интерес, он перестает любить, пока страдает” (Фрейд, 1924, с.126).

Заметим, первичный нарциссизм – один из самых уязвимых пунктов теории Фрейда. Действительно, предлагается довольно спорная гипотеза: младенец в первое время после рождения сосредоточен исключительно на себе, он переживает психическое состояние, в котором все ощущения воспринимаются, как если бы они представляли собой нечто полностью изолированное, закрытое от стимуляции внешнего мира. Основной аргумент, которым оперирует критика этой гипотезы, сводится к тому, что психоанализ описывает не реальную стадию развития, а некий теоретический принцип, как будто для построения теории либидо была необходима такая стадия, когда либидо направлено не на внешние объекты, а на самого субъекта. “Мне лично кажется приемлемой идея, – пишет один из исследователей творчества Фрейда, – что положение о первичном нарциссизме было скорее основополагающей мифологией психологической организации, чем стадией развития влечений” (Widlöcher, 1986, с.7).

П.Федерн, предвосхищая подобную критику, в свое время попытался осмыслить понятие нарциссизма, предположив, что существует некое “чувство Я”, с самого начала присутствующее в человеке. Оно не является чем-то неизменным, стабильным. Границы Я, диапазон его функций “...все время изменяются. Но индивид интуитивно чувствует, где кончается его Я, и особенно момент, когда граница только что изменилась” (Federn, 1928, с.299). На стадии первичного нарциссизма Я охватывает весь представляемый ребенком мир. Сужение границы Я происходит постепенно и связано с началом экспериментирования ребенка с объектами (отход от первичного нарциссизма).

Уходя от дискуссии на данную тему, заметим, что, как бы сомнителен ни был этот теоретический принцип, он породил огромное количество работ, ценность которых до сего времени не оставляет места для сомнений.

Еще одна линия развития идей о нарциссизме связана с пониманием этого явления как черты характера. Уже в работе 1914 года Фрейд предполагает, что личность может быть более или менее нарциссична. Однако представления, которых он в разное время придерживался относительно “нарциссической личности”, претерпевают значительную метаморфозу. В упомянутой выше работе в качестве нарциссической личности Фрейд опишет женщину, постоянно занятую тем образом, который она создает, пытаясь обратить на себя внимание, соблазнить другого, с единственной целью, чтобы увидеть в его взгляде свое

отражение. Нечто вроде: “Свет мой зеркальце, скажи, да всю правду доложи, я ль на свете всех милее, и румяней и белее”. Поведение, привлекающее внимание со стороны других, необходимо таким натурам, поскольку “строго говоря, такие женщины любят самих себя с той же интенсивностью, с какой их любит мужчина” (Фрейд, 1924, с.132). Биографы Фрейда предполагают, что в этот момент Нарциссом для Фрейда была Лу Андреас Саломе.

В более поздней работе (по *Widlöcher, 1986*) под нарциссической личностью понимается совсем другое: ориентированный на действие лидер, самооценка которого настолько устойчива, что он совершенно не нуждается в каком бы то ни было одобрении со стороны других.

Многозначность термина “нарциссическое поведение” сохранилась и до настоящего времени. Д.Видлешер (*Widlöcher, 1986*) выделяет здесь, по крайней мере, два наиболее часто встречающихся словосочетания – “нарциссическая личность” и “нарциссическая зависимость”. О “нарциссической личности” говорят в случае сочетания ряда специфических поведенческих черт, таких как уверенность в себе, независимость от мнения других, склонность к самосозерцанию, погруженность исключительно в собственные проекты и т. д. Понятие “нарциссическая зависимость” выражает, можно сказать, полярный вариант. Человека в этом случае характеризуют неуверенность в себе, тревожное внимание к общественному мнению, постоянные поиски защиты у кого-то и пр. Все становится на свои места, когда мы начинаем понимать, что речь идет не о том, насколько та или иная личность нарциссична, а как та или иная личность регулирует свой нарциссизм, каким образом она обретает нарциссическое равновесие.

Исторически понятие нарциссизм сменяет в работах Фрейда стремление к самосохранению и, как и это бывшее понятие-предшественник, дополняет сексуальность – безусловную константу во всех психоаналитических работах. Нарциссизм в известной степени обладает сходством со стремлением к самосохранению, а именно – в тех функциях, которые он на себя берет. Наиболее четкую формулировку этого тезиса мы находим у исследователей творчества Фрейда. Возможность “отвязывания” либидо от объектов и возвращения его – Я выполняет функцию самосохранения и восстановления в том смысле, что без возможности ухода от объектов индивид постоянно подвергался бы возбуждению, которое он не мог бы регулировать (*Rosolato, 1976*).

Работа 1914 года знаменательна еще и тем, что Фрейд впервые говорит в ней об Идеале-Я*. Идеал-Я формируется благодаря интериоризации

* Именно из этих размышлений Фрейда вырастет (1924) его новая теория личности (Оно, Я, Сверх-Я). Впоследствии Идеал-Я будет трактоваться как часть Сверх-Я. Иногда Фрейд будет употреблять их как синонимы. Однако, многие комментаторы творчества Фрейда считают, что следует различать эти инстанции: Идеал-Я выражает то, кем мы хотели бы быть, а Сверх-Я – то, чем мы должны были бы быть. Идеал-Я – это наследник нарциссизма (Фрейд, 1914), тогда как Сверх-Я – более поздняя структура, появляется как наследник

социальных ориентиров и служит для Я точкой отсчета при оценке реальных достижений. Интериоризируя родительские требования и подчиняясь им, ребенок в какой-то мере реставрирует первичный нарциссизм, разрушаемый критическим отношением родителей. Как можно было бы объяснить, что Идеал-Я начинает обладать притягательной силой для ребенка? Но в том-то и дело, что Идеал-Я становится наследником нарциссического. Ему, говоря словами Фрейда, “досталась та любовь к себе, которым в детстве пользовалось действительное я. Нарцизм оказывается перенесенным на это новое идеальное я, которое, подобно инфантильному, обладает всеми ценными совершенствами” (Фрейд, 1924, с.136).

После работы 1914 года Фрейд практически не возвращается к нарциссизму. Можно только гадать, что явилось причиной такого забвения. Искал ли он возможность порвать со своими давними воззрениями, которые (и это было очевидно) были написаны под влиянием Юнга и содержали в себе значительную уступку юнгианским идеям? Считал ли, что последующая разработка теории личности, содержащей переоценку Я, отвечает на поднятые им вопросы? Во всяком случае, концепция нарциссизма, наделавшая много шума в психоаналитических кругах и очень высоко оцененная многими из психоаналитиков, в работах Фрейда не получает дальнейшего развития.

Нарциссизм в работах последователей Фрейда

Изменение практики классического психоанализа, коснувшееся, в частности, критериев “курабельности”, привело к тому, что на психоаналитической кушетке все чаще стали оказываться пациенты с нетрадиционными симптомами, требующими нового теоретического подхода.

Возвращение интереса к исследованиям нарциссизма обычно связывают с работами Ж.Лакана (конец 40-х – 50-е гг.) и его критическим анализом концепции Я. Однако подлинный расцвет этих исследований начинается с работами Х.Кохута – в Америке (Kohut, 1967) и Б.Грюнберга – во Франции (Grunberger, 1971). Предметом изучения этих авторов стал сам психоаналитический процесс.

Теория нарциссизма Х.Кохута, возглавлявшего чикагскую психоаналитическую школу, имела огромный резонанс в психологической (особенно американской) литературе. Крайнее увлечение этой теорией одних и неприятие ее другими сделали нарциссизм “модной” темой.

На основе анализа психотерапевтического процесса Кохут описал специфическое сочетание черт личности, ранее никогда не выделяемое, которое можно определить как “Грандиозное Я”. Для обладателей

Эдипова комплекса. Эти две инстанции могут находиться в конфликте, так как Идеал-Я стремится наиболее полно реализовать личность, тогда как Сверх-Я вводит запреты и ограничения (по Лаплани, Понталис, 1996).

подобного Я характерно представление о себе, сочетающее черты бреда величия и чувство неполноценности. Аналитическая работа с такими пациентами обладает рядом особенностей, которые заключаются, прежде всего, в своеобразии затрагиваемой проблематики*, а также в совершенно иной, сравнительно с невротами, динамике, определяющейся специфическими ожиданиями пациента и характером его требований по отношению к психоаналитику.

Кохут описывает два особых типа переноса, характерных для таких случаев, – идеализирующий и зеркальный.

Отношение к психотерапевту при идеализирующем переносе, несколько утрируя, можно описать следующим образом: “Вы замечательны, Вы не можете не быть замечательным, поскольку Вы интересуетесь мной”. Кажется, нарциссическая личность не может согласиться с тем, что кто-то другой знает про нее больше, чем знает она сама, и способен интерпретировать то, что она в себе не понимает. Это возможно лишь в том случае, если этот кто-то – уникально умный, совершенный и могущественный.

При зеркальном переносе терапевт становится зеркалом “грандиозного Я” пациента: “Благодаря Вам я, наконец, вижу себя, такого, какой я есть, – уникального и неподражаемого”. Этот единственный и неподражаемый – не обязательно самый красивый, самый умный, но он настолько уникален, что терапевт не может найти к нему ключ. Ему остается роль зеркала.

Мы можем спросить себя: не являются ли такого рода переносы следствием и артефактом, обусловленными самим психоаналитическим методом? В известной степени, в пользу отрицательного ответа на этот вопрос говорит то, что отдельные проявления этих двух переносов мы нередко встречаем в межличностных отношениях в ходе повседневной жизни. Терапевтическая ситуация лишь карикатурно выявляет черты *грандиозного Я*: “Я хотел быть гениальным, исключительным”, что в повседневной жизни сопровождается *самоуничижением*, “но я не могу, я ничего не стою, мне ничего не удастся”.

Кохут предполагает, что оба типа переноса – и идеализирующий, и зеркальный – представляют собой активизацию в процессе анализа ситуации заблокированной стадии развития, стадии архаичного грандиозного Я (характерного для первичного нарциссизма).

Б.Грюнберг (1993), также используя материалы психоаналитического процесса, пришел к выводу, что перенос в процессе психоанализа, трактуемый как повторение аффектов или ситуаций, которые были пережиты пациентом в раннем детстве с фигурами, выполняющими родительские функции, вовсе не исчерпывает отношений пациента к

* Наиболее часто встречаемые темы в ходе терапии пациентов с такого рода расстройствами – поиск идентичности, фантазии величия, фантазии, имеющие асексуальный или извращенно сексуальный характер.

психотерапевту. Психоанализ погружает пациента в новое измерение, определяемое не только переносом и выражением влечений, но и собственно нарциссизмом. Действительно, непереносимое условие успешного анализа – возможность нарциссической регрессии (то есть возможность погружаться в мир собственных, порой достаточно неприглядных переживаний, допустив временное несоответствие собственному Идеалу-Я). Это становится возможным благодаря пристальному вниманию психотерапевта к психической жизни пациента, доброжелательному вниманию, дающему подтверждение, или поддержку, нарциссизму.

З.Фрейд ввел понятие “нарциссизм” для того чтобы объяснить некоторые данные психопатологии. Возвращение же этого понятия в психологическую литературу произошло в связи с описанием новой структурной организации – “нарциссические расстройства личности”, “нарциссический характер”*. В психоаналитической практике, а вслед за ней и в общественном сознании произошла любопытная метаморфоза: то, что раньше считалось социальной аномалией, подвергалось общественному осуждению и, например в религии, рассматривалось как один из тяжких грехов, во второй половине XX столетия стало рассматриваться в качестве психологического отклонения. (Впрочем, такой же путь проделали ранее истерическое поведение, гомосексуальность и пр.).

Если изучение невротических расстройств привело Фрейда к мысли о необходимости анализа событий детства пациентов, то нарциссические расстройства заставили его последователей обратить внимание на период младенчества и раннего детства. В настоящее время большинство авторов соглашаются в том, что существует специфический “нарциссический тип”, для которого камнем преткновения является *дефект эмоционального принятия образа Я*, формирующийся вследствие нарциссической фрустрации в раннем детстве.

Английский педиатр и психоаналитик Д.Винникотт (*Winnikott, 1985*) в своих работах детально исследует процесс построения образа Я в детском возрасте и роль, которую играет в этом процессе непосредственное

* Симптомы “нарциссического расстройства личности” суммированы в DSM III (*American Psychiatric Association, 1980, p.317*): а) Грандиозное ощущение собственной важности или уникальности, например, преувеличение достижений и талантов, сосредоточенность на особой природе собственных проблем. б) Чрезмерная занятость воображением неограниченных успеха, власти, великолетия, красоты или идеальной любви. в) Самодемонстрирование: индивид требует постоянного внимания и восхищения. г) Холодная индифферентность или выраженные чувства ярости, собственной неполноценности, стыда, унижения, опустошенности в ответ на критику, безразличие других или поражение. е) Наконец, каких-либо два из следующих характерных расстройств в межличностных отношениях: 1. Претензии: ожидание особого благоприятствования, не принимая на себя встречных обязательств, например, удивление и гнев, когда люди не делают того, чего он хочет. 2. Использование других в своих интересах; имея преимущество над другим, потворствовать собственным желаниям или использовать другого для самовозвышения, пренебрегая неприкосновенностью и правами его самого. 3. Отношения, характеризующиеся колебаниями между чрезмерными переоценкой и разочарованием. 4. Отсутствие сопереживания: невозможность понять, как себя чувствует другой, например, неспособность признать страдания того, кто серьезно болен.

окружение ребенка. Попутно он проясняет возможные механизмы формирования нарциссических симптомов. Винникотт описывает взаимодействие матери и младенца двумя трудно переводимыми терминами: *holding* и *handling*. Содержание понятия *holding* отражает то, как мать носит на руках, как она и физически, и психологически поддерживает своего младенца, который находится в абсолютной от нее зависимости; *handling* – то, как мать обращается с ребенком, манипулирует им, обеспечивая его нужды. И то, и другое становится возможным благодаря идентификации матери с ребенком. Если *holding* и *handling* достаточно хороши, то ребенку передается чувство защищенности, которое, по Винникотту, составляет основу силы Я. Эти материнские функции определяют первое восприятие младенцем самого себя, создают предпосылки для наброска единого и непрерывного Я.

Размышляя над исследованиями Ж.Лакана, посвященными “стадии зеркала”^{*}, Винникотт подчеркивает, что самое первое “зеркало” младенца – лицо матери. “... Мать смотрит на ребенка, и то, что выражает ее лицо, находится в прямой связи с тем, что она видит” (Winnikott, 1985, с.191). Именно эмоциональный отклик матери, передаваемый ею опыт переживания дает малышу возможность создать первые представления о себе. В нарушениях этого важнейшего взаимодействия автор видит причину различных возникающих у ребенка эмоциональных отклонений – недостаточности регуляции самооценки, склонности к депрессиям^{*}. Значительное облегчение состояния пациентов, проходящих анализ, объясняется тем, что отношения с психоаналитиком во время терапевтических сеансов в известной мере воспроизводит взаимоотношения матери и ребенка, – аналитик становится нарциссически подтверждающим зеркалом. “Даже если наши пациенты не выздоравливают, – замечает Винникотт, – они нам благодарны за возможность видеть себя такими, какие они есть, и это приносит им глубокое удовлетворение” (Winnicott, там же, с.199).

^{*} Основываясь на наблюдениях А.Валлона за поведением ребенка перед зеркалом, Лакан описал “стадию зеркала”, – этап в индивидуальном развитии, когда ребенок начинает узнавать свое отражение. Этот важный этап – создание первой наброска будущего Я – охватывает период между 6-м и 18-м месяцами, свидетельствуя, по мнению Лакана, о том, что ребенок превосходит в воображении целостное восприятие своего тела и овладение им благодаря отождествлению с окружающими.

Интересно, что в 20-е годы французские психиатры Абеley и Делмас (Abeley, Delmas) (примерно в то же время, когда Валлон описывает поведение ребенка перед зеркалом, забавляющегося собственным отражением), открывают феномен, который они назовут “знак зеркала”. Он был открыт в результате эксперимента, при котором в клинике всюду были развешаны зеркала. Оказалось, что в остром периоде психоза (особенно шизофренического) больной перестает узнавать собственное отражение: одни пациенты утверждали, что “другой” в зеркале составляет им компанию, вторые поддерживали более скрытые отношения со своими отражениями, третьи – проводили дни напролет, рассматривая того, кто в зеркале, и не признавая в нем самого себя. Этот феномен объясняют глубокой регрессией ниже “стадии зеркала” (структурирующего периода). Считается, что этот знак, характерный для шизофрении, может служить некоторым доказательством верности теории Валлона и Лакана относительно “стадии зеркала” (Dictionnaire..., 1995).

^{*} Катастрофические результаты внезапного разрыва этих отношений были изучены Рене Шпитц и известны как “синдром госпитализма”.

Теоретические построения Винникотта получили развитие в сравнительно недавних (80-е годы) экспериментальных исследованиях Д.Стерн (*Stern*, цит. по: {*Mazet, Stolern, 1993*}). Стерн обратила внимание на довольно распространенный феномен взаимодействия матери и младенца, который она назвала “аффективным согласованием” (*affect attunement*): матери часто интуитивно отражают, как в зеркале, адресованные им эмоциональные проявления младенцев. Например, ребенок говорит: “Да-да-да”. “Да-да-да”, – откликается мать. Или, в то время как ребенок радостно шевелит ручками, мать интонационно воспроизводит эмоциональный рисунок движений малыша, говоря, например, “Ай-ай-ай”. Объясняя этот феномен, Стерн отмечает врожденную потребность младенца чувствовать, что его эмоциональный опыт может быть разделен другим, прежде всего, матерью. Если младенец не получает такого ответа, он ощущает себя изолированным психически, и это может спровоцировать серьезные психические отклонения, вплоть до депрессии.

Отметим, что аффективное согласование не обслуживает никаких витальных потребностей ребенка. Более того, данный феномен возникает тогда, когда отсутствуют фрустрации на уровне потребностей (голод, холод и пр.). Для младенца этот ответ важен не только потому, что он сигнализирует о присутствии матери и ее одобрении, главное – что в ее ответе учитываются и подкрепляются эмоциональные проявления самого младенца.

Таким образом, роль окружения не ограничивается обеспечением нужд младенца и присутствием в его поле зрения, но заключается также в эмоциональном отклике на его психическую активность. Помимо определения “пространственных координат”, взаимодействие с ребенком, учитывая его индивидуальные особенности, дает ему “координаты психические”.

Важно отметить, что гармоничное развитие на этой стадии подразумевает активность двух сторон – и взрослых, и ребенка. Активность младенца проявляется в экспериментировании, – разнообразных демонстрациях и провокациях, и, вместе с тем, – в активном поиске отклика на свои действия у ближайшего окружения*. Одна из составляющих аутоэротизма этой стадии заключается как раз в наслаждении производимым аффектом, изменениями, которые ребенок осуществляет со своим окружением. Если окружающие младенца “зеркала” оказываются недостаточно хорошими, его активность, которая может быть расшифрована вопросами: “Это я?”, “Это я сделал?”, “Это я машу руками?” и т.д., остается без ответа. Подобная ситуация создает предпосылки для возникновения *первичного дефекта образа Я* – дефекта

* Отсутствие такой активности или ее невыраженный характер могут свидетельствовать о психической патологии, как, например, при раннем детском аутизме или психотических состояниях.

самопринятия, который, в зависимости от грубости нарушения, может быть выражен в большей или меньшей степени**.

По мнению Б.Грюнберг (*Grunberger, 1993*), родительская любовь играет ключевую роль в психическом развитии ребенка. Конечно, этот тезис более всего касается раннего периода. Вместе с тем, нельзя отрицать, что каждый из этапов развития должен быть по-своему подтвержден и одобрен теми, кто является первым объектом влечений ребенка, одновременно с этим обладая в его глазах нарциссической целостностью. Родители, подтверждающие нарциссизм ребенка любовью, – зеркало, с помощью которого он может осознать нарциссическую целостность. Другими словами, положительный эмоциональный отклик с их стороны определяет возможность самопринятия. Если родители по какой-либо причине не могут дать достаточного подтверждения нарциссической значимости, ощущаемая ребенком нарциссическая фрустрация создает конфликт с объектом влечений, что накладывает отпечаток на последующие отношения с окружающими: человек будет испытывать вечную потребность в нарциссическом подтверждении и в то же время не сможет ее принять от объекта влечений. Чем нарциссичнее субъект (не важно, идет ли речь о конституциональном или приобретенном нарциссизме) и чем сильнее испытываемая им нарциссическая фрустрация, тем больше будет разрыв между его нарциссическими требованиями и реальностью, и тем острее его потребность в подтверждении и одобрении. В этом и заключается парадокс нарциссической личности: стремясь к независимости и самодостаточности, она будет испытывать вечную нужду в другом. Однако другой не есть подлинно объект их желания; другой существует для них лишь постольку, поскольку он подтверждает нарциссическое Я.

Гармоничность взаимодействия ребенка с окружением на протяжении этой стадии обуславливает возможность децентрализации и возможность возвращения либидо – миру. Осознание себя как индивидуальности, как отличного от другого позволяет также осознать сами эти отличия, то есть подготавливает возможность перехода к стадии Эдипа. Таким образом, *любовь Нарцисса к себе и подтверждение этой любви со стороны значимых объектов – неперемное условие для последующего перехода к любви по отношению к другому.*

Судьба *грандиозного Я* ребенка во многом зависит от адекватности и избирательности реакций матери, благодаря которым он учится принимать ограничения реальности и отказывается от фантазий величия. Эти фантазии постепенно заменяются более гармоничными проявлениями Я.

** Отметим, что нарушение взаимодействия матери и ребенка на ранних стадиях может заключаться не только в недостатке, но и в избытке стимуляции (гиперстимуляция), когда мать не оставляет младенцу возможности проявить активность, опережая все его проявления: предупреждая нужды и навязывая ему собственное эмоциональное состояние.

Однако первичный нарциссизм не исчезает бесследно. Косвенным подтверждением продолжения его существования параллельно с более реальными структурами, как думается, может служить *здоровая самооценка* – наша иррациональная убежденность в том, что мы достойны успеха, и наше упорство в достижении цели. Кроме того, установки и самые образы людей, в которых когда-то, как в зеркале, отражалось грандиозное Я ребенка, продолжают действовать в течение всей его жизни, накладывая свой отпечаток, с одной стороны, на самоотношение человека, с другой – на его устремления.

Постепенное осознание несовершенства и ограниченности Я, сужение поля, которое охватывает фантазия всемогущества, – необходимое условие психического здоровья. Но если *Грандиозное Я* встречается на своем пути препятствия, исключающие возможность его оптимального развития, оно способно отделиться от Я реального как особая структура. В подобном случае грандиозное Я утрачивает способность поддаваться коррекции под влиянием внешних воздействий и сохраняется в архаичной форме. Требовательный нарциссический Идеал-Я стремится реализовать по возможности более совершенный образ Я, в то время как этот образ основан на представлении о себе, в котором заложен фундаментальный дефект. Подобная конфликтная ситуация создает предпосылки для нарциссической дисгармонии.

Существует, однако, исключение из правила: талантливые личности, добившиеся в своей жизни очень высоких результатов, при ближайшем рассмотрении часто оказываются нарциссическими. Требования почти не изменившегося архаичного Я побуждают их к развитию собственных способностей на пределе возможностей. И это единственно возможное условие равновесия в случае нарциссических расстройств.

Судьба менее одаренных личностей складывается с еще бóльшими сложностями – постоянное несоответствие нереалистичному Идеалу-Я приводит к чувству неполноценности, утрате интереса к работе, длительным депрессиям*. Люди подобного типа ведут утомительную и затяжную борьбу со всем, что указывает им на несоответствие нарциссическому идеалу. Для них, например, характерно не просто нежелание, но невозможность признать хотя бы малейший пробел в собственных знаниях. (На вопрос, читали ли они ту или иную книгу, многие из них не решаются на отрицательный ответ. Но и то правда, что кто-то, подчиняясь требованиям своего идеального Я, рано или поздно непременно прочтет эту книгу.)

Если мы зададимся вопросом, какую роль играет творчество в жизни нарциссических субъектов, то ответ, вероятно, будет следующим:

---

* Нарциссические депрессии отличаются как от невротических, так и от психотических, что послужило одним из оснований для выделения нарциссических расстройств в качестве отдельной клинической единицы (Green, 1983).

результаты творчества выполняют для них функции своего рода Я-объектов, “псевдоподий” нарциссизма. Творчество дает им возможность увидеть себя и, таким образом, заполнить “зеркала”, которые в детстве были недостаточно хороши. Внимание зрителей к их творчеству выполняет терапевтическую функцию, которую можно уподобить эффекту благожелательного отношения психотерапевта. Этот терапевтический эффект тем сильнее, чем выше оценка творчества нарциссической личности.

Период младенчества и раннего детства чрезвычайно важен, с точки зрения создания образа Я и формирования основы самоотношения. Однако этот процесс, как можно полагать, не заканчивается в указанном возрасте. Образ Я постоянно достраивается и корректируется, и, как и прежде, здесь огромную роль продолжает играть эмоциональный отклик со стороны окружения, предоставляющий необходимые для самопринятия и самосознания ориентиры. Этот процесс вновь становится чрезвычайно значимым в подростковом возрасте, который многими психоаналитиками рассматривается как период нарциссического кризиса (*Spruel, 1975*). Изменения образа Я, в основе которых лежит телесная трансформация, актуализируют поиски координат для построения образа Я и эмоционального принятия со стороны окружения. Если же эти поиски оказываются не столь удачными, создаются предпосылки для поведения, провоцирующего эмоциональный ответ. Этим поведением, которое может становиться все более и более вызывающим, человек добивается прояснения собственной отражения в окружающих его “зеркала”, пустота которых по-прежнему выступает для него сильной нарциссической фрустрацией. Часто это поведение приобретает неадекватные и конфликтные формы, поскольку любой, пусть даже негативный эмоциональный ответ предпочитается его отсутствию: “Трудно придумать более дьявольское наказание..., чем если бы кто-нибудь попал в общество людей, где на него совершенно не обращали бы внимания. Если бы никто не оборачивался при нашем появлении, не отвечал на наши вопросы, не интересовался нашими действиями, если бы всякий при встрече с нами намеренно не узнавал нас и обходился с нами как с неодушевленными предметами, то нами овладели бы своего рода бешенство, бессильное отчаянье. Здесь облегчением были бы жесточайшие телесные муки, лишь бы при них мы чувствовали, что при всей безвыходности нашего положения мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать ничьего внимания” (*Джемс, 1991, с.83-84*).

Заключение

Мы попытались проанализировать работы лишь некоторых авторов, развивающих построения Фрейда на тему нарциссизма, и столкнулись с целым рядом сложностей теоретического характера, которые

свидетельствуют, что концепция нарциссизма все еще находится в стадии становления, претерпевая в своем развитии существенные изменения. Тем не менее, можно утверждать, что и на данном этапе эта концепция содержит в себе предпосылки для разрешения ряда важных проблем, связанных с эмоциональным развитием человека, и, в частности, формированием самооотношения.

Итак, попробуем сформулировать некоторые выводы.

1. Как известно, условием гармоничного эмоционального развития является относительно реалистичное восприятие себя и определенная степень самопринятия. Основы этих двух механизмов закладываются на ранних стадиях онтогенеза, определяясь исходным принятием ребенка со стороны значимых родительских фигур.

Стадия развития влечений, когда либидо полностью сконцентрировано на Я (первичный нарциссизм), – условие для последующего построения реалистичной концепции Я, включающей интеграцию как “хороших”, так и “плохих” Я-репрезентаций. Благополучное развитие на этой стадии зависит от того, насколько младенец вовлечен в объектные отношения с родительскими фигурами.

2. В свете концепции нарциссизма разнообразные демонстрации и провокации, которыми бывает отмечено поведение человека (и которые часто ставят в тупик не только непосвященного наблюдателя, но и терапевта в ходе терапевтического процесса), приобретают смысл “инструмента”, осуществляющего полезную работу в процессе построения образа Я индивида. Движимое поиском эмоционального ответа, это поведение позволяет личности обнаружить необходимые “психические координаты”, которые служат ориентирами для самооотношения и самооценки.

3. На наш взгляд, теория нарциссизма содержит в себе материал, позволяющий построить неожиданную гипотезу о генезисе самореализации. В некоторых случаях потребность самореализации может быть интерпретирована как поиск возможности не только оставить свой след, но и увидеть в нем (и через его посредство) собственное отражение, тем самым реставрировав первичный нарциссизм.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайдлер Г.Х. Клинические аспекты деструктивных сторон нарциссизма. Московский психотерапевтический журнал, 1997, № 2, с.25-37.
- Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. Москва, ВШ, 1996.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах, под ред. С.А. Токарева, т.2. М., 1994,.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., Наука, 1991, 456 с.
- Фрейд З. (1914). О нарцизме // Психологическая и психоаналитическая

- библиотека, под ред. И.Д Ермакова, т.VIII. Петербург, 1924, с.117-144.
- Эткинд А. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. М., Гнозис, 1994, 376 с.
- Chabert C. Narcissisme au Rorschach. Bull. Soc.Franc. du Rorschach et des Meth. Proj., septembre 1986 (33), pp.15-40.
- Dictionnaire de psychiatrie et de psychopathologie clinique. Sous la redaction de J. Postel, 1995.
- Federn P. Le moi comme sujet et objet du narcissisme 1928, P.U.F., coll. «Bibliothèque de psychanalyse», p.297-310.
- Grunberger B. (1971). Le narcissisme. Petite bibliothèque Payot, 1993.
- Guillem P., Loren J.A., Orozco E. Introduction. Revue Francaise de Psychanalyse, 1991 (1), pp.39-100.
- Kernberg J. Self, Ego, Affect and Drives. J. of American Psychoanalytic Association, 1983, Vol. 30 (4), pp.893-917.
- Kohut H. The analysis of the Self, 1971, NY, International Universities Press.
- Mazet P., Stoleru S. Psychopathologie du nourrisson et du jeune enfant, Paris, 1993.
- Rosolato G. Le narcissisme, Nouv. Rev. Psych., 1976 (13), p.7-36, Gallimard.
- Spruiell Vann Narcissistic transformation in adolescence. International J. of Psychoanalytic Psychotherapy, 1975, V.4, pp.518-536.
- Widlöcher D. Introduction au concept de narcissisme // Bulletin de la Societedu Rorschach et des Methodes Projectives, septembre 1986 (33), pp.5-13.
- Widlöcher D. Le narcissisme normale et pathologique. Les Cours donnees a l'Institut de psychologie, Centre Henri Pierron en 1978.
- Winnikott D. Le visage de la mere en tant que miroir.// Le narcissisme. Edition Sand, 1985. Перевод с англ. «Mirror-role of Mother and Family in Child Development» // In: The predicament of the family: A Psychoanalytical Symposium, London, Hogarth Press, 1967.